

*Изящная
словесность*

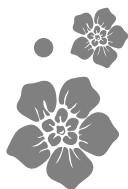
*Книги Анны Берсеновой –
истории сильных чувств:*

СЕРИАЛ «ГРИНЕВЫ.
КАПИТАНСКИЕ ДЕТИ»	«ТРИ ДОЧЕРИ»
Последняя Ева	Ответный
Возраст третьей любви	темперамент
Неравный брак	Игры сердца
Ловец мелкого жемчуга	Французская жена
Первый, случайный,
единственный	Странная Лиза
	Портрет второй жены
	Стильная жизнь
СЕРИАЛ «СЛАБОСТИ
СИЛЬНОЙ ЖЕНЩИНЫ»	Двое в Барселоне
Слабости сильной
женщины	Гадание при свечах
Ревнивая печаль	Все страсти мегаполиса
	Женщина
	из шелкового мира
	Рената Флори
СЕРИАЛ «ЕРМОЛОВЫ»	Глашенька
Яблоки из чужого рая	Вангелия
Антистерва	Женщины да Винчи
Мурка, Маруся Климова	Вокзал Виктория
	Героиня второго плана
«ПОДРУГИ
С МАЛОЙ БРОННОЙ»	Лучшие годы Риты
Уроки зависти	Созвездие Стрельца
Опыт нелюбви	Австрийские фрукты
Этюды Черни	
«ЛЮБОВНЫЙ ФАРФОР»	
Звезда по имени Эстер	
Красавица некстати	
Азарт среднего возраста	

анна берсенева

ЭТЮДЫ ЧЕРНИ

роман

Москва
2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б51

Художественное оформление
серии *П. Петрова*

Берсенева, Анна.

Б51 Этюды Черни : роман / Анна Берсенева. — Москва : Эксмо, 2018. — 352 с.

ISBN 978-5-04-097867-0

В судьбе певицы Александры Иваровской — третьей закадычной подруги с Малой Бронной — произошел слом. Красавица Саша оказалась не готова к переменам. Утратился вкус к жизни, и ее наполнила пустота: ни любящего мужа рядом, ни детей, ни дела, ни цели, ни желания. Неужели все в прошлом? Всякий, кто учился музыке, знает: этюды Черни — тяжелый и нудный труд, необходимый для навыков мастерства. Какое произведение должна исполнять душа, чтобы не утратить навыков жизни?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Сотникова Т., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-04-097867-0 ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ЧАСТЬ I

Глава 1

«Жизнь несправедлива, это всем известно. Но все равно приходится каждое утро вставать и думать, чем ее наполнить».

Сон сразу улетел. Саша сбросила одеяло и встала босыми ногами на холодный пол. Любой намек на патетику ей претил, и не стоило удивляться, что эта хоть и точная, но слишком пафосная утренняя мысль показалась ей неприятной.

Вдобавок день ей предстоял бессмысленный и медлительный. Вечерний концерт, в котором она приглашена была участвовать, был даже не концертом, а просто заработком, особой внутренней сосредоточенности не требовал, и, значит, время до него не шло и уж тем более не летело, а просто тянулось.

И вот она ходила по комнатам и тянула время. Когда-то дед говорил ей, сидящей за фортепиано:

— Саша, ты не играешь, а просто время тянешь.

И как он только догадывался об этом по этюдам Черни, которые она проигрывала один за

другим? Саша ни тогда этого не понимала, ни сейчас.

Но дед давно умер, а кроме него, никто ее насквозь не видел, так что и разоблачить не мог, да и музыканты они с дедом в семье были единственные.

В общем, Саша бродила по квартире, пила молоко с маслом и медом — не из-за простуды, а просто для голоса, — примеряла концертные платья — ни одно не казалось ей подходящим к случаю — и скучала. В самом драгоценном смысле этого слова: скука есть отдохновение души, как известно.

К тому же, скучая, очень удобно молчать. Это было второе ее личное правило, умолкать за несколько часов до концерта, и она всегда предпочитала проводить время своего молчания в одиночестве.

И почему пришла ей с утра пораньше в голову странная мысль о несправедливости жизни? Что уж такого несправедливого лично с ней происходит?

Вопрос, впрочем, был не из толковых. Саша вспомнила, как вопросом такого рода огорошила ее в одних вполне приятных гостях — хозяева были журналистами, и дом у них был открытый, вечно полный интересного народу, — одна вполне приятная дама, собиравшая подписи в защиту бездомных собак. В отличие от большинства подобных активисток она выглядела вменяемым человеком. От страданий бездомных собак разговор тогда каким-то об-

разом свернул на Ленина, и Саша заметила, что давно пора бы убрать его с Красной площади, нечего выставлять труп убийцы напоказ в центре страны. И тут сборщица подписей спросила звонким, очень интеллигентным, с родным московским «аканьем» голосом:

— А что плохого, собственно, лично вам сделал Ленин?

Так неожиданно было услышать такой вопрос именно от этой дамы — наверное, из-за ее интеллигентского выговора, — что Саша даже растерялась. Впрочем, растерянность ее сразу же прошла, и, смерив даму взглядом, она с усмешкой заметила:

— Да лично мне, собственно, и Гитлер ничего плохого не сделал.

И, не глядя больше на собаколюбивую женщину, ушла в кухню, где гудел какой-то классически страстный спор.

Да, и теперь вот ничего несправедливого лично с ней не происходит, но оттого, что странная мысль о несправедливости жизни пришла в голову сразу, как только она открыла глаза, Саша весь день чувствовала легкую досаду. Точно такую, какая бывает, если с утра вспомнишь некстати, что сегодня пятница и тринадцатое число, и как ни уговариваешь себя потом весь день, что не стоит обращать внимания на дурацкие суеверия, тогда они и не сбудутся, — а все равно до вечера не по себе.

Саша приехала в Москву три дня назад, а зачем, и сама не очень понимала. Скучно ста-

ло в швейцарской деревне, вот и приехала. И не то странно, что она заскучала, а то, что родители чувствуют себя так, словно вся их жизнь прошла не в мегаполисе, а вот именно в швейцарской глуши.

Утром перед работой и вечером после работы мама берет стеклянную бутылку и идет на ферму за парным молоком. Папа раз в неделю отправляется на шоколадную фабрику за обломками шоколада. Фабрика располагается близ деревни, и за этими обломками, очень дешевыми, ходят все местные жители, и за молоком на ферму все ходят тоже.

На деревенской улице стоит большой холодильник, в нем — свежие яйца, масло, сметана. К дверце прицеплен листок с перечнем цен, по пути с шоколадной фабрики все берут из холодильника кому что нужно и оставляют деньги за взятое.

Саша находила, что все это, конечно, очень мило, но все равно жизнь в швейцарской деревне невыносимо скучна.

Мама считала, что она говорит это из обычного своего упрямства.

— Именно так и должно быть, Сашка, неужели ты не понимаешь? — возмущалась она. — Люди созданы только для такой жизни — разумной, размеренной, погруженной в природу. Тем более люди нашего с папой возраста.

Положим, их шестьдесят лет родителям ни за что не дашь. И непонятно, связана их молоджавость с размеренностью природной

жизни или все же с тем, что они занимаются поисками в невидимом взгляду пространстве частицы под названием «бозон Хиггса», которая неизвестно даже, существует ли вообще.

Неподалеку от деревни, кроме шоколадной фабрики, располагалось также сооружение под названием «адронный коллайдер», с помощью которого загадочный бозон предполагалось изловить, и именно для этого съехались сюда физики со всего мира, в том числе и Сашины родители.

Но самой ей было там делать решительно нечего, а поскольку и к созерцанию красот природы она была приспособлена плохо, то надолго у родителей никогда не задерживалась — сбегала в какие-нибудь более оживленные места, благо мир большой.

В Москву она от скуки и сбежала, и то, что консерваторский однокурсник Гришка Ислентьев позвал поучаствовать в хорошо оплачиваемом концерте, было не причиной ее приезда, а лишь его параллельной линией, и не линией даже, а так, необязательным пунктиром.

Ну, и в квартире она считала нужным время от времени появляться. Грустно было думать, что запустение, которое Саша чувствовала, приезжая домой, может воцариться здесь навсегда. И хотя, казалось бы, не стоит этому удивляться, раз в квартире годами никто не живет, но всякий раз это зримое запустение било ей в сердце, как только она открывала дверь,

и всякий свой приезд она начинала с беспощадной с ним борьбы.

Дело было не в беспорядке или пыли — перед каждым своим приездом Саша звонила Норе, и та заходила прибраться, — а в том, чтобы прогнать уныние и наполнить дом собою. На это у нее обычно уходило три дня.

Кофе хотелось ужасно, но кофе вредил голосу, поэтому Саша не пила его перед концертом, хотя бы даже и перед таким незамысловатым, какой предстоял этим вечером. Молоко с медом и маслом — это был ее личный рецепт певческой удачи, и его она всегда придерживалась.

Когда водитель позвонил снизу, она была еще не одета и даже платье все еще не выбрала. Но оттого, что делать это пришлось поспешно, оно как раз и выбралось правильно — черное муаровое, — и Саша подумала мельком, что это тоже хороший рецепт: любой выбор совершать наскоро, не задумываясь, тогда он будет удачным.

Она приколола к корсажу брошку — крупную бриллиантовую каплю, — набросила на плечи палантин и вышла из квартиры.

Платье было длинное, на улице Саше пришлось приподнять его подол. Из-за этого она вдруг почувствовала себя не то сказочной принцессой, не то французской гранд-дамой, выходящей к карете, чтобы ехать в Оперу. Но всего на минуту она такое почувствовала, и то ей неловко стало: ну что за ерунда, первый концерт в ее жизни, что ли? И не первый,

и не сто первый даже, давно пора привыкнуть, да она ведь и привыкла, и неожиданная детская мысль про принцессу — глупость несусветная.

Но глупость эта ее развеселила. И всю дорогу до Волынского Саша чувствовала воодушевление, такое же радостное, как и необъяснимое.

Дни еще были теплыми, но вечерами морозило и воздух казался прозрачнее, чем мог быть в городе, как холодная осенняя вода почему-то кажется прозрачнее, чем теплая летняя. И парковые аллеи выглядели в этом воздухе резкими пронзительными линиями.

К павильону было не подъехать. Машина остановилась у ограды парка, а по аллеям пришлось пройти пешком.

Саша шла под прямыми, в темное небо уходящими соснами, и воодушевление становилось в ее душе таким же острым, как запах осенних листьев, и таким же, как этот запах, самостоятельным, не зависящим уже ни от чего внутреннего, из нее самой происходящего.

Оно просто было, это неясное воодушевление, и поражало собою так же, как осенняя природа.

«Может, предчувствие? — подумала Саша. — Но чего — предчувствие? Концерт какой-то необыкновенный будет или вечную любовь встречу?»

Ни то ни другое не походило на правду. Просто бодрил октябрьский холод.

«Вечерами золко уже», — говорил про такой холод Пашка Солдаткин.

Пашка жил в деревне Кофельцы и все лето проводил в дачном поселке. Он был в Сашу влюблен с пятого по девятый класс и ужасно этого стеснялся. Про его влюбленность все знали и, понятное дело, не упускали случая над ним посмеяться. От насмешек Пашка делался морковно-красным, как его шевелюра, и видно было, что он едва сдерживает слезы, но Саше ни чуточки не было его жалко. Подружка Кира Тенета относилась ко всем Сашиним воздыхателям с сочувствием, а сама она всегда была жестокосердна. Но несмотря на это, у Киры собственных воздыхателей ни в детстве, ни в юности не было, а у Саши они не переводились. Или не несмотря на это, а как раз поэтому.

Да, именно такие вечера Пашка называл золкими. Сидели они все на веранде у Иваровских, глянешь в небо — и звездный свет слепит глаза.

Павильон наконец показался за поворотом аллеи. Он был похож на китайский фонарик — белый, полотняный и ярко светился изнутри.

На площадке перед павильоном толпились многочисленные гости. В толпе ходили клоуны, предлагали что-то вытаскивать из разноцветных бумажных пакетов, смеялись, неожиданно кувыркались. По бокам площадки стояли большие газовые горелки, и от этого казалось, что павильон заключен в жаркую прозрачную капсулу, отделяющую его от темного и золкого, как этот осенний парк, мира.

Под горелками стояли жаровни, на них в блестящих медных тазах варилось варенье.

Пухленькая повариха в бело-золотом колпаке ссыпала в сироп нарезанные яблоки и лила коньяк из пузатой бутылки.

«Ну да, Гришка говорил же, осенний яблочный праздник, — вспомнила Саша. — Гостей вареньем развлекают».

Она хотела подойти поближе к жаровням и спросить, зачем лить в варенье коньяк, но не успела — подскочил распорядитель, приговаривая:

— Наконец-то, уже начинаем, а вас все нету, мы волновались, вдруг опоздаете или вообще... — и еще какие-то глупости.

Он провел Сашу вокруг павильона к маленькой двери, за которой открылся полутемный, освещенный одной тусклой лампочкой закуток, отгороженный от остального павильонного пространства занавеской. За этой занавеской шумел зал, шум то и дело перекрывался музыкой, от которой павильон ходил волнами, как цыганская кибитка. По краям закутка стояли стулья, посередине стол и рядом с ним вешалка. У вешалки сидел Гришка Ислентьев и застегивал на себе галстук-бабочку. Зеркала не было, и бабочка застегивалась криво.

— Привет, — сказал он, увидев Сашу. — Шубу не снимай пока, тут холодно.

А хоть бы и тепло — вешалка все равно чуть не падала от уже наваленной на нее одежды. Добавлять к этой свалке палантин из бриллиантовой норки Саша не собиралась.

— Слушай, — сказал Гришка, — давай городские романсы споем?

— Почему вдруг? — удивилась она.

Городские романсы — разнообразные «страдания» — Саша, конечно, знала, но сегодня они собирались исполнять классические хиты в современной аранжировке. Гришка сам ей сказал, что это всегда пользуется успехом на подобных мероприятиях — проверено.

Не то чтобы Саша сильно держалась именно за аранжированную классику, но то, что придется на ходу менять программу, почему-то рассердило ее.

— Мало того что ты мне не сказал, что петь придется на улице, так еще и программу менять? — возмутилась она.

— И совсем, во-первых, не на улице, — возразил Гришка. — К тому же на сцене горелка жарит, горло не простудишь. А во-вторых — ну попросил народ душевное, почему нет?

В общем-то он был прав, и спорить по пустякам не стоило.

— Так, может, вообще «Ой, мороз, мороз» споем? — усмехнулась Саша.

— Может, и споем, — пожал плечами Гришка. — Если попросят. Тебе хорошо там, в Европах, а мы тут ко всему привыкли. Ну, до коней и камышей, надеюсь, не дойдет, — успокоил он. — Эти, у которых праздник, вроде бы из приличной конторы, не киоски у метро держат.

— А что они держат? — без особого интереса спросила Саша.

— Компьютерное что-то. Не грузись, Александра, — улыбнулся он. — Тебе не все равно? Хотели мировую звезду — нате вам мировую звезду. Главное, гонорар хороший.

Что ее следует считать мировой звездой, Саша была уверена не вполне, но спорить не стала. Тем более что и суетливый распорядитель опять появился перед нею, и опять неожиданно, словно просочился сквозь полотняную стену.

— Прошу! — провозгласил он. — Вас уже объявляют.

— Как объявляют? — Саша обернулась к Гришке. — А петъ мы что все-таки будем?

— А что на Дунае тогда пели, помнишь? Австриякам понравилось, и этим понравится.

В замке на Дунае они давали концерт около года назад. Гришка приехал тогда в Вену буквально на три дня и сразу же позвонил Саше с предложением спеть под его аккомпанемент на дне рождения какого-то миллионера — «не бойся, не нашего бандита, аристократа австрийского». Подобные предложения просто вихрились вокруг него, и непонятно даже было, когда он успевает играть в московском симфоническом оркестре, где исправно числился третьей скрипкой много лет.

Саша уже забыла, что именно они тогда пели. Конечно, вспомнить это не составляло большого труда, но петъ без подготовки все равно было неприятно.